

объединения в другое, а временами и соединение нескольких близких объединений или разделение их обеспечивало сохранение достаточного уровня изменчивости, устранявшего неблагоприятные последствия инбридинга. Многое указывало на то, что в раннем плейстоцене у гоминид в отличие от симиид (антропоморфных обезьян) сложились или закрепились продолжительные парные связи мужских и женских особей. У гоминид отсутствует набухание женской половой кожи и имеется ряд других особенностей строения и деятельности генитальных органов. Половая активность сохраняется в течение года на одном уровне независимо от внешних раздражителей и легче реализуется, когда половым партнерам не нужно отыскивать друг друга. Период роста у гоминид удлинен, приемы добычи разнородной пищи требуют большего научения, чем питание однообразной растительной пищей, научение необходимо и для использования предметов из окружающей среды и их хотя бы зачаточной обработки. Все эти условия легче выполнимы при тесном контакте подростка с матерью и с одной мужской особью, которая вместе с тем может поделиться с матерью добытой пищей, защитить в неблагоприятных ситуациях. Дети от родителей, соответствующих возникшим требованиям, имели больше шансов на выживание и закрепление отбором прогрессивных форм поведения и развития речи и интеллекта.

Состав первичных объединений мог несколько расширяться по мере возрастания добычи пищевых средств. Возникновение более крупных объединений нужно отнести к среднему палеолиту, когда началась охота (загонная?) на крупных животных. Но и более крупные объединения, до 30—50 особей, включая детей и стариков, не разрушали первичные парные группировки. Это мнение подтверждают изученные в последнее время остатки жилищ и очагов поздней фазы палеолита.

Более крупные и сравнительно поздние объединения гоминид по своему назначению и роли вожака существенно отличались от объединений у наземных обезьян, стада которых, имевшие очень специфическую структуру и сильно отличавшиеся по половому поведению, не могут служить прообразом древних гоминидных группировок.

Отличительные черты структуры гоминидных сообществ различимы уже у прегоминид раннего плейстоцена.

В. В. Бунак

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У ГОМИНИД

Л. А. Файнберг рассматривает в своей статье одну из интереснейших и сложнейших проблем первобытности — историю возникновения социальной организации. Весьма правильной и полезной представляется главная мысль автора о том, что наблюдение за миром животных, особенно обезьянами, может объяснить многие стороны проблемы становления человечества и, в частности, его социальной организации. Но одновременно отдельные положения статьи представляются спорными. И прежде всего вывод о том, что непосредственные предпосылки возникновения человеческого стада и материнского рода уже имелись в зоологических объединениях обезьян. В своих выводах автор опира-

ется на новейшие данные, полученные при наблюдениях над обезьянами в разных условиях. Они весьма интересны, но из-за несовершенной методики исследований субъективны и нуждаются в дальнейшей все-сторонней проверке.

Представляется, что многие исследователи поведения животных, как и автор рассматриваемой статьи, опирающийся на их данные, рассматривают проблему животное — человек главным образом эмпирически и обращают основное внимание на количественные характеристики: наличие тех или иных (как им представляется) сходных явлений у животных и людей. Субъективная точка зрения может вести к переоценке этого сходства. При этом из поля зрения упускается самое важное: качественная сторона проблемы — глубокие и принципиальные различия между животными и людьми. Сказанное подтверждается хотя бы тем, что Л. А. Файнберг не ставит в своей работе вопрос, что такое человек, каковы его социальные признаки и чем он отличается от животных.

Думается, что антропогенез — как бы долго он ни продолжался — типичный пример перехода количества в качество. Это своеобразный скачок, происшедший в принципах и сущности приспособления к окружающей среде определенного вида обезьян.

У низших животных приспособление осуществляется целиком или почти целиком на основе безусловных, наследственных рефлексов. На более высоких ступенях эволюционного развития, с усложнением организмов, появляется потребность в известной «свободе поведения и приспособления», заключающейся в развитии системы условных благоприобретенных рефлексов, прежде всего в виде личного опыта. Но приспособление к среде даже самых развитых животных осуществляется главным образом на основе безусловных рефлексов (что не исключает значения благоприобретенного опыта). Животное, вырванное в младенчестве из естественного окружения и воспитанное в чуждой среде, развивается тем не менее по большей части показателей как нормальный представитель своего вида (например, котенок, воспитанный людьми).

У стадных животных, в том числе и у обезьян, судя по новейшим наблюдениям, отмечены случаи обучения благоприобретенным навыкам. Однако это касается очень ограниченных и не существенных для вида проявлений (если бы они были существенными, обезьяны давно бы стали людьми).

Иначе обстоит дело с признаками человека, социальными способами его приспособления к среде, качественно отличными от этих явлений у животных.

Что касается антропогенеза, то в определенных условиях и у определенного вида обезьян сложилась своеобразная ситуация, когда его выживание не обеспечивалось прежним, с трудом поддающимся изменению способом приспособления и потребовался отбор признаков, связанных с большей свободой поведения и приспособления, т. е. увеличением роли условных рефлексов. Но как у гоминид, так и у более поздних ископаемых видов этот процесс имел, по-видимому, еще незавершенный характер. Весь период древнего человечества (проходившего последовательные этапы видообразования) представлял собой переход от приспособления к окружающей среде преимущественно через безусловные рефлексы к приспособлению главным образом через условные рефлексы, опыт, передаваемый ненаследственным путем. В конечном счете этот вид приспособления приостановил биологическую эволюцию и заменил ее социальной.

Известно, что очеловечение могло происходить только через труд, т. е. социальную деятельность, опыт которой накапливался, хранился и передавался следующим поколениям через ненаследственную память

коллективов. Таким образом, уже самые ранние коллективы гоминид принципиально отличались (хотя это едва ли тогда было особенно заметно) от зоологических объединений тем, что в них развивался и передавался коллективный опыт, навыки трудовой деятельности, необходимые для приспособления к окружающей среде, для выживания. Это вызывало появление социальных связей, которых у животных нет, так как они им не нужны при их способе приспособления.

В связи со сказанным представляется, что было бы правильно отказаться от неточного термина «первобытное стадо» и ввести понятие «первобытный коллектив», подчеркнув тем самым его основную особенность: складывание на основе совместного труда и социальных связей.

В отличие от свойств животных человеческие свойства (не только «интеллект», но и прямохождение) могут возникнуть только в условиях воспитания в социальном коллективе. Без социального примера и воспитания «маугли» останется плохо приспособленным животным, не использовавшим потенциальных возможностей, заключенных в его наследственности.

Независимо от того, насколько верны или неверны, а также представительны данные о таких явлениях у некоторых видов обезьян, как особенности доминирования, ограниченный промискуитет, тенденция к матрилинейности и «экзогамии», думается, что из них нельзя выводить древнейшую социальную организацию гоминид. Скорее всего большая часть этих явлений выработалась у обезьян в процессе естественного отбора и закрепились в наследственности. Иначе нельзя объяснить, почему животные, обладающие зачатками столь совершенных «социальных» институтов, не прошли пути антропогенеза.

Род, экзогамия, материнская филиация и другие очень сложные элементы социальной организации отсутствовали, надо думать, и у людей на ранних этапах антропогенеза. Сложились они только на достаточно развитом этапе биологической и социальной эволюции человека.

В огромный промежуток времени существования гоминид, архантропов и во всяком случае части палеантропов происходило очень медленное развитие социальной организации первобытных коллективов (соответственно с медленным развитием хозяйства и материальной культуры). Скорее всего перечисленные выше социальные институты были достижением только человека современного вида и возникли в ходе его биосоциогенеза. Отсутствие способностей к созданию столь сложной и совершенной социальной системы, организующей трудовую деятельность, было причиной эволюции последнего предшественника человека современного вида.

Качественное значение последнего эволюционного скачка было исключительно велико и оказалось достаточным для дальнейшего прогрессивного социально-экономического развития человечества.

Обращаясь к другим вопросам, затронутым в статье, полагаю, что Л. А. Файнберг недостаточно четко проводит различие между браком и брачными отношениями, с одной стороны (их можно рассматривать как биологически-социальное явление), семьей и семейными отношениями (чисто человеческим, социальным явлением)—с другой.

Вместе с тем автор обсуждаемой статьи совершенно прав (с учетом сделанной поправки), что наблюдения за брачными отношениями у обезьян могут дать существенный материал для исследования ранних форм брака и семьи у гоминид.

Г. Е. Марков: